

A woman with a warm smile, wearing a white chef's hat decorated with various symbols like skulls, hearts, and the word 'I love', and a white apron over a light-colored shirt. She is holding a piece of aged, handwritten paper in front of her. The background is dark and out of focus, suggesting a kitchen or hospital setting.

ХРОНИКИ ГОСПИТАЛЬНЫХ БУДНЕЙ

Дневник волонтера-медика

Елена Репина

18+

Елена Репина

Хроники госпитальных будней. Дневник волонтера медика

<https://litres.ru/74477564>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге публикуются записки медика-добровольца, в ходе специальной военной операции, посвятившего себя служению в военных госпиталях. Книга родилась из заметок в дневнике, который вела автор на протяжении двух с половиной лет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 1. Моя новая реальность	8
Глава 2. Имя для десятого сына	10
Глава 3. За секунду до рассвета	13
Глава 4. Музыка сквозь больничные стены	15
Глава 5. Не обезболенный	17
Глава 6. Рожденный в две тысячи пятом	20
Глава 7. Двадцать дней в ледяной воде	21
Глава 8. Утренний двор	23
Глава 9. Чтобы не огорчать родителей	25
Глава 10. Когда уходит свет	28
Глава 11. Двадцать один километр под прицелом	30
Глава 12. На коньки поставить сына	33
Глава 13. Ночное свидание в нейрохирургии	35
Глава 14. Танго под мирным небом	38
Глава 15. Тревога за прическу	40
Глава 16. Ребра на защите жизни	43
Глава 17. Манифест Души. Роковые минуты мира.	45
18. Я снова в госпитале. Синдром выжившего	48
Глава 19. Девять километров на коленях	50
Глава 20. Кислота с неба	52
Глава 21. Предел прочности и изумрудные	54

бинты

Глава 22. Семь дней из жизни Тимофея

57

Конец ознакомительного фрагмента.

60

Елена Репина

Хроники госпитальных будней. Дневник волонтера медика

Глава 1

Здравствуй дорогой читатель!

В сентябре 2022 года война перестала быть для меня чем-то далеким из выпусков новостей. Она грубо и беспощадно вошла в наш дом — мобилизовали моего старшего сына. То, что он пережил и прожил там, на передовой, заслуживает отдельной, большой книги. Но именно эта личная родительская боль и тревога стали для меня импульсом к принятию очень серьезного решения. В январе 2024 года я приняла решение, изменившее мою жизнь: поехать волонтером в военный госпиталь.

Я профессиональный медик, вся моя жизнь отдана работе в травматологии, и я точно знала: там, среди раненых, мои руки и мой опыт будут по-настоящему нужны.

Тогда я даже представить не могла, что эти поездки за-

тянутся на два с половиной года, а госпиталь станет частью моей судьбы. Всего поездок было шесть. О первой из них в этой книге нет записей — те два месяца остались в памяти как один сплошной, страшный, нереальный сон. Мне не верилось, что всё это происходит со мной наяву.

Но вернувшись домой в марте 2024 года, я не смогла просто жить прежней жизнью. Спустя полтора месяца я снова уехала туда, куда сердце звало.

Именно во вторую поездку родился этот дневник. Он был моей терапией, попыткой выговориться и не сойти с ума от увиденного. Я писала для себя, затем делилась записями с родными и близкими. Но случилось удивительное: эти искренние, строчки нашли отклик у сотен незнакомых людей. Дневник обрел собственные крылья. В мае 2026 года, вернувшись домой после очередной поездки, я приняла решение бережно собрать эти записи под одной обложкой.

В этой книге нет вымысла. В ней — пот, кровь, слезы, но главное — невероятная сила человеческого духа, которую я видела каждый день в госпитальных палатах. Переверни страницу и проживи этот путь вместе со мной.

Я начала вести этот дневник не для того, чтобы умножить боль, которой в мире и так с избытком. Я пишу его потому, что среди сотен покалеченных тел я увидела то, что способно исцелить этот мир — абсолютную, звенящую веру в жизнь. В глазах этих парней, прошедших через земной ад, нет сломленности. Там есть глубина, пред которой затихает

любая земная философия.

Эти истории — не просто хроника медицинских будней. Это лекарство. Каждая страница этого дневника — это попытка смыть пыль с зеркала нашей души, напомнить себе и тем, кто остался в тихих городах, о том, что действительно важно. Жизнь священна. И пока бьется наше сердце, у нас есть шанс стать лучше.

Но эта книга и сами поездки никогда бы не состоялись без поддержки моих самых близких людей. Я хочу выразить бесконечную благодарность моей семье, которая приняла мой выбор. И моя самая глубокая, особенная материнская благодарность — моему старшему сыну. Он взял на себя финансовую сторону, несколько раз полностью спонсировав мои поездки в госпиталь. Спасибо вам, мои родные».

Я не обещаю вам легкого чтения. Эти страницы – зеркало, в котором отразится все: и грязь окопов, и свет надежды. Здесь нет места сантиментам, но есть место настоящим, выстраданным чувствам.

Переверни страницу дорогой читатель и проживи этот путь вместе со мной.

Читателю этой книги я желаю мира. Мира вашему дому, мира вашей душе и бесконечного мужества тем, кто сегодня ждет своих сыновей. Пусть любовь всегда будет сильнее страха.

Глава 1. Моя новая реальность

У ворот госпиталя много женщин в черных платках. Это первое, что я увидела. Это молодые, я бы даже сказала, юные девушки. Сердце сжалось, но я взяла себя в руки. Дальше было очень короткое знакомство с начальством, и уже через несколько минут я была в перевязочной.

Началась моя новая жизнь. Работая в городской больнице почти 30 лет, я многое повидала, но то, что мне пришлось увидеть здесь, невозможно даже поставить рядом. Первые дни работала на автомате: не было никаких чувств, даже не успевала запечатлеть в памяти бойцов. Текла река из боли, крови. Я не принадлежала себе. Потихоньку начала приходить в себя, общаться с бойцами. И уже через неделю я почувствовала, что справляюсь: видимо, какие-то защитные механизмы включились, и пошла работа.

Эти ребята... Они были невероятны. Даже после всего, что с ними случилось, они находили силы шутить, поддерживать друг друга.

С каждым днем я чувствовала, как меняюсь. Городская больница казалась теперь далеким прошлым. Здесь, среди пепла и страданий, я находила что-то настоящее, что-то, что давало силы жить дальше. Это была не просто работа, это была миссия. Миссия — сохранить жизнь, надежду, человечность.

Я перестала считать дни. Время здесь измерялось не часами, а количеством перевязок, литрами антисептиков и короткими, обрывочными фразами, которыми мы перекидывались с коллегами. Мы стали как одна семья, спаянная общим горем и общей целью. Мы научились понимать друг друга без слов: достаточно было одного взгляда, чтобы понять, кому нужна помощь, а кому — просто минута тишины.

Я видела, как меняются люди. Как вчерашние мальчишки, еще вчера мечтавшие о простых радостях, становились мудрыми, глубокими, почти святыми в своей стойкости. И я менялась вместе с ними. Я научилась ценить каждый вдох, каждый луч солнца.

Я обещала себе писать только о хорошем, но это оказалось сделать трудно. Как отделить свет от тени, когда они переплетены так тесно, что невозможно провести границу?

Я поняла: «хорошо» здесь — это не отсутствие боли. Это победа над ней. Это когда человек, потерявший всё, находит в себе силы улыбнуться. Это когда жизнь, вопреки всему, берет свое. Я пишу, потому что эти истории — не просто хроника госпиталя. Это свидетельство того, что даже в самом глубоком мраке человеческая душа способна светить так ярко, что этого света хватает на всех нас.

Глава 2. Имя для десятого сына

К нам поступил коллега — врач-реаниматолог, который до начала СВО руководил отделением реанимации в одном из крупных российских городов. Ему шестьдесят один год. У него благородное, мудрое лицо человека, который десятилетиями вырывал людей из лап смерти. Дома его ждут девять детей. Девять продолжений его души.

Его привезли с тяжелой ампутацией ноги и множественными осколочными ранениями. Осколки безжалостно прошли по всему телу, задев в том числе и органы дето производства. Физическая боль, которую он испытывал, была запредельной, но его сознание оставалось поразительно чистым и сфокусированным, словно он всё еще руководил операцией, но уже над самим собой.

Пока мы, медики, обрабатывали его раны и готовили к дальнейшим манипуляциям, он, преодолевая болевой шок и последствия оглушения, тихим, но твердым голосом рассказывал, как всё произошло. Он ехал не убивать — он ехал спасать. Вытаскивал с поля боя раненого мальчишку-бойца и сам наступил на мину.

Дальше всё было как в тумане: оглушительный взрыв, темнота, фонтаны земли и свист снарядов. Из этого ада его, истекающего кровью, на себе вытащил другой солдат. Наш доктор толком даже не видел лица своего спасителя — ме-

шали шок и копоть. Он успел лишь спросить его имя, прежде чем провалиться в беспамятство. Парня звали Евгений. Под шквальным огнем Женя вытащил двоих, подарив им второй день рождения.

И вот этот пожилой доктор, лежа на госпитальной кушетке, лишившись ноги, смотрит на нас глазами, полными невероятной, почти детской надежды, и говорит:

— Пожалуйста... Сохраните мне этот орган. Самый важный для мужчины. Я уже позвонил жене из машины эвакуации. Я сказал ей: «Родная, мы обязаны выжить. Мы обязаны родить с тобой еще одного парня. И назвать его Евгением».

В перевязочной на мгновение повисла тишина. Человек, чье тело только что было буквально разорвано металлом, думал не о своей инвалидности, не о потерянной ноге и не о несправедливости судьбы. Пройдя через адский взрыв, он думал о том, как материализовать свою благодарность спасшему его солдату через рождение новой жизни. Он хотел вернуть имя «Евгений» этому миру в виде своего десятого ребенка.

В этот момент я физически почувствовала, как в стенах нашего госпиталя забила сама Жизнь. Это и есть великая философия — когда сердце не сжимается от ужаса, а расширяется до размеров Вселенной, вмещая в себя и боль, и бесконечную любовь. Холод войны разбился о волю этого отца и врача.

Мы бережно сжали его руку, успокоили его и уверенно

сказали:

— Доктор, всё заживет. Мы сделаем всё возможное. И парень Женька обязательно родится!

И мы верим в это. Потому что пока в наших людях живет такая запредельная, святая жажда созидания и благодарности — смерть всегда будет проигрывать.

Глава 3. За секунду до рассвета

Мы перевязываем очередного бойца. Его спина — как сплошная, страшная карта войны, вся в глубоких осколочных дырах. Каждый раз, когда пинцет касается раны, я мысленно прошу у его тела прощения за эту необходимую боль.

Он лежит лицом вниз и тихим, уставшим голосом рассказывает то, что человеческий ум отказывается вмещать. Его подразделение попало под шквальный, плотный обстрел. Последнее, что зафиксировала его память из той секунды — это жуткий удар и звук того, как его тяжелый, казавшийся монолитным бронежилет с мясом разрывается на части. Металл и ткань разлетелись, обнажив живую плоть перед раскаленным свинцом.

Потом была темнота. Когда он пришел в сознание, вокруг стояла оглушительная, мертвая тишина. Он лежал среди своих погибших товарищей. Живых не было никого. Большая кровопотеря быстро забирала остатки физических сил, земля под ним становилась липкой и холодной.

Двенадцать часов. Двенадцать бесконечных, страшных часов он пролежал на этой земле, истекая кровью. В какой-то момент, когда солнце начало клониться к закату, к нему пришло ясное, леденящее понимание: эвакуации не будет. Никто не придет. По всем человеческим законам и расчетам, этот день на разбитой земле должен был стать последним

днем его земной жизни.

И тогда он сделал то, чему учат только великие духовные трактаты: он принял ситуацию. Он перестал бороться с неизбежным, перестал звать на помощь и суетиться умом. Он смирился, отпустил контроль и стал ждать. Не спасения, а смерти. Это не было трусостью — это было тотальное, величественное доверие Океану судьбы, когда человеческое эго сдается перед лицом Вечности.

Сознание уходило и возвращалось, стирая границы между сном и реальностью. В очередной раз его веки тяжело открылись, ум приготовился увидеть вечный покой, но вместо этого он почувствовал толчок. Его куда-то несли. Чужие, сильные руки крепко держали носилки, прорываясь сквозь дым и хаос.

И вот сейчас он лежит на госпитальной кушетке, под нашими руками. Живой. Дышащий. Спасенный вопреки всем законам логики и медицины.

Смотря на его израненную спину, я делаю для себя один фундаментальный вывод: **нужно до самой последней секунды надеяться на чудо.**

Глава 4. Музыка сквозь больничные стены

Сегодня пятница. Календарь на стене напоминает, что в мирных городах люди предвкушают выходные, строят планы на вечер и спешат по домам. Здесь, в госпитале, дней недели почти не существует — они сливаются в один бесконечный, пульсирующий поток. Но сегодня я дала себе твердое обещание: ни слова о ранах, операциях и боли. Сегодня в наших стенах звучит совсем другое лекарство.

К нам приехали артисты. На небольшой открытой площадке на территории госпиталя организовали импровизированный концерт. Сценой послужил асфальт, декорациями — старые больничные деревья, а аппаратурой — пара колонок.

Зрителей перед сценой собралось немного. Это те немногие, кто уже может передвигаться самостоятельно или на инвалидных колясках. Парни сидят на солнце, щурятся от яркого южного света, и на их строгих, привыкших к боли лицах впервые за долгое время появляются несмелые, почти забытые улыбки.

Но самое удивительное и трогательное происходит не здесь, у импровизированной сцены. Настоящий концерт разворачивается в палатах. Те, кто прикован к постелям, кто не может пошевелиться после тяжелых операций, кто лежит

лицом к стене, борясь с собственными мыслями — все они сейчас слушают. Окна госпитальных корпусов открыты настежь, и звуки живых голосов, гитарных струн и знакомых с детства мелодий эхом разлетаются по длинным коридорам.

Музыка в госпитале — это не развлечение. Это мощнейшая терапия. Звук проникает сквозь кирпичные стены, сквозь бинты, сквозь броню страха и отчаяния, которую парни вынуждены носить, чтобы выжить.

Я иду по коридору отделения и вижу, как боец с ампутацией, который еще вчера смотрел в потолок тяжелым, невидящим взглядом, сейчас лежит с закрытыми глазами, а его пальцы рук едва заметно, в такт песне, постукивают по краю.

Артисты поют о доме, о любви, о верности. И в этих простых звуках для раненых солдат возвращаются краски жизни. Музыка напоминает им: мир жив, их ждут, они соединены с огромной землей невидимой пуповиной искусства.

Когда концерт заканчивается, над госпиталем повисает совсем другая тишина — не гнетущая и тяжелая, а наполненная, живая, исцеляющая. И я понимаю, что сегодня мы сделали одну из самых важных перевязок. Мы перевязали звуками их израненные души.

Глава 5. Не обезболенный

Реанимация — это место, где грань между жизнью и смертью истончается до предела. Здесь воздух пропитан концентрированным напряжением. Сегодня на кровати перед нами — тяжелораненый боец. Осколочные ранения, а в дополнение к ним — страшные термические ожоги, поразившие около сорока процентов тела. Лица у парня практически нет. Один глаз полностью уничтожен взрывом. В носу стоит медицинский зонд.

Мы начинаем перевязку. Это долгий, изнурительный и для пациента, и для медиков процесс, который затянется почти на два часа. Только первый час уходит на то, чтобы бережно, сантиметр за сантиметром, размачивать и снимать намертво присохшие к обожженной коже повязки. Любой, кто хоть раз сталкивался с ожогами, знает: эта боль невыносима, она способна свести с ума.

Но всю перевязку парень лежит абсолютно неподвижно. Ни одного стога, ни единого вздоха, ни малейшего движения пальцев. Глядя на эту каменную стойкость, я мысленно благодарю наших анестезиологов. «Слава Богу, — думаю я, — парни-реаниматологи отправили его в глубокий медикаментозный сон. Человек просто не способен выдержать такое в сознании».

Когда последний бинт уложен, я поворачиваюсь к дежур-

ному врачу:

— Доктор, мы всё. Закончили.

И вдруг из этой крошечной, казавшейся необратимой тишины раздаётся хриплый, глухой, но совершенно отчетливый голос раненого:

— Не закончили. Херню из носа еще не вытащили, она мне дышать мешает.

Я ошарашенно смотрю на дежурного врача и тихо спрашиваю:

— Доктор, а какое обезболивающее вы ему вкололи перед нашей перевязкой?

Врач поднимает на меня усталые глаза и отвечает обыденным, страшным в своей простоте голосом:

— Никакого. Его только что привезли. Мы физически еще ничего не успели сделать. Не обезболивали его.

Два часа нечеловеческих медицинских манипуляций на сорока процентах сожженного тела. Без анестезии. Без капли анальгетиков. У него нет глаза, у него разрушено лицо, а всё, что его по-настоящему разозлило и заставило заговорить — это пластиковая трубка в носу, мешающая сделать полноценный вдох.

Его сознание в эти два часа поднялось так высоко над терзаемой плотью, что боль просто не смогла его догнать. Он не просто выжил — он сохранил способность иронизировать, ворчать и требовать комфорта там, где обычный человек сдался бы в первые минуты.

Этот воин сделал мой день. Он перевернул моё понимание
о границах человеческих возможностей.

Глава 6. Рожденный в две тысячи пятом

Вчера мы перевязывали в реанимации тяжелораненого. Вернее, то... что от него осталось.

Я разворачивала бинты, фиксировала остатки плоти и старалась не смотреть на табличку, всящую у изголовья. Но взгляд все равно скользнул по строчке с личными данными.

Он родился в две тысячи пятом году. Ему едва исполнилось двадцать лет.

На этом всё.

В палате не было громких слов, не было слез и долгих историй. Была только тяжелая, звенящая тишина, в которой отчетливо понимаешь: война не щадит никого. Есть вещи, которые нужно просто безмолвно прожить и зафиксировать в памяти, чтобы никогда не забыть цену нашей мирной жизни.

Глава 7. Двадцать дней в ледяной воде

В наше отделение поступил новый раненый. Обычный парень, каких здесь сотни, но за его плечами — история, которая заставляет замереть даже выдавших виды врачей.

Он провел в траншее, заполненной ледяной водой, двадцать дней. Почти три недели в грязи и сырости, в самом эпицентре вражеского окружения. Вокруг был неприятель, и единственным способом выжить для него было притворяться мертвым. Лежать неподвижно часами, не издавая ни звука.

У него были тяжело ранены обе ноги. Истекая кровью, в темноте траншеи он сам наложил себе жгуты. Но жгут нельзя оставлять надолго — ткани погибнут. И этот парень, находясь на грани жизни и смерти, проявил невероятную, леденящую собранность: каждый час, в течение двадцати дней, он ослаблял жгуты, давая крови немного пройти, а затем затягивал их снова. И так — три недели. Сам. В воде. Без посторонней помощи.

Сейчас в нашем отделении колоссальный наплыв раненых. Мест катастрофически не хватает. Многих парней приходится размещать прямо на полу, в коридорах, на обычных медицинских носилках. Конечно, люди устали, им больно, и

многие возмущаются — и я их прекрасно понимаю, человеческие силы не безграничны.

Но этот воин... Он лежал на полу, на этих жестких брезентовых носилках, и его лицо буквально светилось. Он был самым счастливым человеком в этом госпитале. Для него эти носилки на полу после двадцати дней в мокрой канаве казались королевским ложем, а госпитальный потолок — самым безопасным небом на свете.

На перевязках, когда мы обрабатывали его измученные, изъеденные водой и осколками ноги, он вел себя невероятно мужественно. Ни одного стога, ни единой жалобы. Только тихая, глубокая радость от того, что он дома, среди своих. Ноги увы были ампутированы

Знайге, друзья мои, какие люди живут рядом с нами! Какая монолитная, чистая сила скрыта в этих парнях. Перед лицом такой стойкости любые наши городские проблемы и капризы кажутся бесконечно мелкими и стыдными. Земной поклон тебе, Солдат.

Глава 8. Утренний двор

Каждое утро, приходя на смену в госпиталь, я вижу одну и ту же картину. Она застыла во времени и повторяется изо дня в день, словно тяжелый стоп-кадр.

Во дворе, на больничных дорожках, сидят раненые. Из каждых десяти человек семеро или девять — в инвалидных колясках. Почти все они — совсем молодые мальчишки с ампутированными конечностями. Они очень редко собираются компаниями, чтобы поговорить или покурить вместе. Чаще всего они сидят поодиночке. Замирают в своих креслах и смотрят куда-то сквозь деревья, в одну точку.

Смотреть этим мальчишкам в глаза невыносимо тяжело. В их взгляде столько взрослой, застывшей тишины, что внутри всё переворачивается. Ты проходишь мимо них и этот утренний двор камнем ложится на душу.

Почему я пишу об этом именно сегодня? Вчера ко мне на стол попал раненый боец. У него были сильно повреждены обе ноги, но кости, к счастью, остались целы — врачам удалось их сохранить. Во время перевязки он кричал так, что закладывало уши. Он кричал от запредельной боли и в сердцах повторял, что ненавидит эти ноги, ненавидит всё, что с ним происходит.

В ту минуту, слушая его крики, мне больше всего на свете хотелось сказать ему: «Мальчик мой, подожди. Пожалуйста,

не гневи судьбу. Давай завтра утром я приглашу тебя выйти во двор? Просто посмотришь на тех, кто сидит там в колясках. Посмотришь на парней, которые отдали бы всё на свете, чтобы их ноги сейчас просто болели, но были на месте».

Конечно, я смолчала. Я не стала этого говорить. Человек, которому больно прямо сейчас, не способен сострадать чужому горю, его собственный ад застилает ему глаза. Мы просто молча и бережно доделали свою работу.

Но этот контраст остался во мне. Насколько по-разному люди проходят через испытания. Кто-то теряет всё и молча смотрит в небо из инвалидного кресла, а кто-то кричит от боли, не понимая, какое огромное счастье ему даровано — просто уйти из этих стен на своих двоих.

Глава 9. Чтобы не огорчать родителей

На моем перевязочном столе — совсем молодой мальчишка-контрактник. Тяжёлая черепно-мозговая травма, множество рваных, глубоких ран по всему телу. Мы очищаем его повреждённую кожу, накладываем стерильные салфетки, а он плачет. Тихо, навзрыд, закрывая лицо руками — точно так, как плачут напуганные дети, когда им очень больно и страшно. По его поведению, по его реакциям видно, что он ни разу не воин. В нём нет этой жёсткой военной закалки, он абсолютно гражданский ребёнок, волею судьбы оказавшийся в этой страшной форме.

Пока мы меняем повязки, я тихо, чтобы отвлечь его от боли, спрашиваю, что же сподвигло его, такого домашнего и юного, подписать контракт и поехать сюда.

И он сквозь слезы рассказывает свою нехитрую, глупую историю. Набедокурил. Совершил какую-то мальчишескую глупость в чужом городе, где учился вдали от дома. Суд, следствие, перспектива получить год или полтора реального срока заключения. Родители обо всём этом даже не догадывались. Больше всего на свете этот парень боялся огорчить и подвести отца с матерью, разрушить их веру в него. И чтобы скрыть свой позор, чтобы они ничего не узнали, он выбрал

единственный, как ему тогда казалось, выход — заключил контракт. Сейчас такая практика существует.

Он думал, что просто уезжает на службу, что как-нибудь перетерпит, решит проблему сам, по-мужски. Но реальность оказалась беспощадной. Он даже не успел толком повоевать, как в первом же бою их подразделение попало в огромную, страшную переделку. И вместо взрослой самостоятельности — тяжелейшие ранения, осколки в голове и палаты нейрохирургического отделения.

Я слушаю его сбивчивую речь, смотрю на его плачущие глаза и чувствую, как к горлу подступает тяжелый ком. Сколько таких мальчишек, совершивших одну нелепую ошибку, пытались сбежать от стыда, а попали на передовую? Он так хотел уберечь родителей от мимолетного огорчения, а теперь они могут получить его инвалидом. Или не получить вовсе.

В этих стенах ты понимаешь, насколько хрупка человеческая жизнь и какова цена простых семейных разговоров. Если бы он тогда не побоялся признаться маме, если бы не испугался этих полутора лет... Но история не знает сослагательного наклонения. Сейчас мы просто перевязываем его раны, гладим по плечу и надеемся, что его молодой мозг справится с этой травмой, и он всё-таки вернется домой — к тем самым родителям, ради которых он так страшно рискнул».

Эта история открывает ещё одну — щемящую и глубо-

ко трагичную — изнанку реальности, о которой редко говорят. Мальчишка, который пытался по-детски скрыть свою глупую ошибку от мамы с папой, испугался их осуждения, а в итоге шагнул напрямик в пекло, к которому не был готов ни физически, ни ментально. Его плач — это плач ребёнка, который просто хочет проснуться дома, в своей постели, где нет войны, а есть мама и папа рядом.

Глава 10. Когда уходит свет

Когда я только принимала решение вести эти заметки, я дала себе твердое, нерушимое обещание: в каждой записи, несмотря ни на что, должно быть хотя бы немного позитива. Хоть капля света, хоть одна улыбка или надежда на чудо. Мне казалось, что это мой долг перед читателями и перед самой собой — искать жизнь там, где пахнет смертью

Но реальность оказалась сильнее моих обещаний. За последние дни, как бы отчаянно я ни искала, мне не удалось встретить этот позитив. Ни в коридорах, ни в глазах, ни в словах. Вокруг была только боль. Густая, концентрированная, нескончаемая боль, которая заполняет собой всё пространство, не оставляя места для утешения.

Вчера я, как обычно, пришла в реанимационное отделение, чтобы перевязывать тяжелораненых. Накануне мне выдали список. В нём было четыре фамилии.

Но я перевязала только двоих.

Остальные двое из этого списка больше не нуждались в перевязках. Пока шла ночь, они тихо и навсегда покинули наш безумный, истерзанный мир. Их койки пустовали, а имена остались лишь на бумаге, которую я держала в руках.

В такие минуты внутри что-то окончательно обрывается. Ты стоишь посреди палаты, смотришь на пустые кровати и понимаешь, насколько бессильны все твои слова, все твои

попытки найти скрытый смысл или позитив. Бывают дни, когда смерть забирает слишком много, и единственное, что ты можешь сделать — это молча доделать работу для тех, кто ещё дышит, и тихо выйти за порог.

Глава 11. Двадцать один километр под прицелом

Жизнь в госпитале умеет отвечать на наши немые вопросы и внутреннюю темноту. Стоило мне подумать, что свет окончательно ушел, как реальность снова явила нам чистое, неоспоримое чудо.

В реанимацию поступил новый раненый воин. Ему, как и одному из наших предыдущих героев, всего девятнадцать лет. Совсем юный мальчишка, который только начинает жить]. Но то, через что он прошел по дороге к нам, не уместается в рамки обычной человеческой логики.

Его ранило на передовой. Сослуживцы, рискуя собственными жизнями, бросились его спасать. Сначала они несли его на медицинских носилках — долгие, изнурительные тринадцать километров под непрекращающимися обстрелами. Затем что-то случилось, носилки пришли в негодность или сломались. Но бросить товарища они не могли. Оставшиеся восемь километров парня, истекающего кровью, тащили буквально волоком, по разбитой снарядами земле.

Двадцать один километр эвакуации. Путь, который и для здорового человека кажется бесконечным. Но самым страшным испытанием стали не километры, а небо. Их группу несколько раз обнаруживали и атаковали вражеские беспи-

лотники-камикадзе. В моменты этих стремительных, смертоносных атак у ребят не было выбора — сослуживцы были вынуждены оставлять носилки прямо на открытом пространстве и бросаться в лесополосу, чтобы укрыться в деревьях и выжить.

Девятнадцатилетний раненый мальчишка оставался лежать один на голой земле, под открытым небом, превращаясь в идеальную мишень для летящих снарядов. Вокруг разрывалась земля, жужжали дроны, осколки косили траву.

И вот здесь произошло то, что медики и военные называют не иначе как божественным вмешательством. Ни разу — ни разу за все время этих страшных атак — ни один снаряд, ни один осколок не попал в него. Он пролежал под прямым огнем, абсолютно беззащитный, но не получил ни единой новой раны, кроме тех, что были у него изначально. Смерть кружила над ним на расстоянии сантиметров, но так и не смогла к нему прикоснуться.

Сейчас этот парень лежит у нас, проходит лечение, и врачи уверенно говорят: всё будет хорошо. Он выживет. Он вернулся из этого ада целым.

Чудеса существуют. Даже там, где небо сыплет огнем, а человека тащат по земле долгие километры, есть высшая сила, которая способна закрыть девятнадцатилетнего парня своим невидимым щитом. И пока такие чудеса происходят на наших глазах, у нас нет права опускать руки.

Эта история — настоящее свидетельство запредельного,

необъяснимого чуда выживания, которое ломает все законы физики и теории вероятностей. Двадцать один километр на грани жизни и смерти, под прицелом беспилотников, на голой земле — и абсолютная, высшая защита, которая уберегла девятнадцатилетнего мальчишку.

Глава 12. На коньки поставить сына

В палату поступил раненый, на котором буквально нет живого места. Множественные осколочные ранения по всему телу и ампутация голени. Нам, медикам, даже не нужно заглядывать в его карту, чтобы понять, через что он прошел: тяжелый, характерный запах выдает правду сразу. Этот парень, как и один из наших недавних героев, целую неделю пролежал в холодном окопе, заблокированный обстрелами, в окружении погибших товарищей.

Всё то время, что мы с ним работаем — готовим инструменты, осматриваем повреждения, — он молчит. Каменное, застывшее лицо, плотно сжатые губы. Он не стонет, не жалуется, словно его сознание всё еще там, в том окопе, охраняет покой ушедших друзей.

А ситуация с его телом критическая. Время было упущено. Культи голени уже начала гнить, да и все остальные рваные раны, что уж там скрывать, поражены тяжелой инфекцией. Мы стоим над ним и тихо, рассуждаем, что делать дальше. Процесс зашел слишком далеко, инфекция поднимается выше, и, скорее всего, ногу придется ампутировать повторно — уже выше колена, чтобы спасти парню жизнь. Это страшный вердикт для любого молодого мужчины.

И вдруг из этой глухой, тяжелой тишины раздается его голос. Спокойный, ровный, без единой нотки паники или жалости к себе:

— Мне нужен хороший протез. Я бывший хоккеист. Мы с женой очень долго ждали сына. Ему сейчас уже три года. Я должен поставить его на коньки.

В перевязочной на секунду замирает всё. Перед нами лежит человек, чье тело источено инфекцией, у которого прямо сейчас врачи собираются отнять еще одну часть ноги. Но он не думает о боли. Он не думает об инвалидности. В его уме нет картины немощного человека. Он видит себя на льду, крепко стоящим на протезе, держащим за руку своего трехлетнего долгожданного сына.

В этот момент ты понимаешь, что медицина бессильна объяснить природу человеческого духа. Этот парень выжил в окопе среди мертвых не просто так — его держала за руку мечта его ребенка. Ногу можно отрезать выше, можно заменить металлом и пластиком, но эту волю, эту любовь к сыну и к жизни невозможно ампутировать никаким хирургическим скальпелем.

Мы сделаем всё. Отрежем сколько нужно, вычистим раны, спасем жизнь. И этот бывший хоккеист обязательно выйдет на лед и научит своего сына уверенно стоять на коньках».

Эта история о том, ради чего эти мужчины возвращаются с того света.

Глава 13. Ночное свидание в нейрохирургии

В нашем отделении уже несколько дней лежит боец с тяжёлой черепно-мозговой травмой. Контузия и повреждение мозга дали серьёзное осложнение — у парня полностью отнялась одна рука, наступил парез. Но человеческая психика — удивительная вещь, она часто отказывается принимать страшную реальность и пытается найти более простое, понятное объяснение.

Каждое утро во время врачебного обхода повторяется одна и та же картина. Парень упорно, со всей страстью доказывает докторам, что у него просто сломана ключица. По его личной логике, рука не работает именно из-за этого перелома — ну не может же рука висеть плетью просто так, значит, там кость сломалась. И каждый раз хирурги терпеливо, как детям, объясняют ему: «Послушай, ключица у тебя абсолютно целая, мы делали снимки. Рука не двигается из-за травмы головы, мозгу нужно время, чтобы восстановиться». Он кивает, но в глазах читается глухая обида — ему кажется, что врачи просто черствые люди и почему-то отказывают ему в помощи.

Вчера я, как обычно, зашла в их палату. Боец заметил меня и замахал своей второй, здоровой рукой, подзывая подой-

ти ближе. На его лице было выражение максимальной секретности. Я подхожу к его койке, наклоняюсь, и тут он вкрадчиво, крепко взяв меня за ладонь своей рабочей рукой, тихо произносит:

— Я же знаю, что Вы волонтёр. Вы работаете здесь без зарплаты, а значит, у Вас точно самое доброе сердце в этом госпитале... Приходите ко мне сегодня ночью.

Я от неожиданности едва не выронила лоток с бинтами. Глаза округлились, а парень, выдержав мхатовскую паузу, заговорщически прошептал продолжение:

— Приходите ночью втихаря... и сделайте мне гипс на ключицу. Пожалуйста.

Занавес. Да уж, признаться честно, никто и никогда в моей жизни ещё не приглашал меня на свидание таким оригинальным способом! В палате нейрохирургии, заняться тайным наложением гипса в три часа ночи.

Я едва сдержала улыбку, глядя на его заискивающий и полный надежды взгляд. С одной стороны, это было безумно смешно, а с другой — щемило сердце. Мальчишка просто так отчаянно хочет вернуть свою руку, так верит, что обычный белый гипс спасёт его и вернет прежнюю жизнь, что готов пойти на «ночное преступление» в обход строгих докторов.

Я, конечно, на свидание не пришла, но мы долго и мягко разговаривали с ним днём. Порой парням в госпитале нужно не просто лечение, а чтобы их выслушали, поддержали за ру-

ку и разделили с ними их надежду — пусть даже эта надежда завернута в форму тайного ночного гипса на абсолютно целую ключицу».

Эта история прекрасна в своей трогательности и чисто человеческом юморе. Боец, запертый в пространстве своей травмы, искренне пытается найти логику и спасение в понятных ему вещах (гипс на ключицу) и прибегает к «секретному оружию» — мужскому обаянию, приглашая медика на самое необычное ночное свидание в истории госпиталя.

Глава 14. Танго под мирным небом

Сегодня День медицинского работника. В мирных городах мои коллеги принимают букеты, красивые поздравления и празднуют в кругу семей. Я тоже поздравляю каждого, кто выбрал этот путь. Но мой праздник сегодня проходит здесь, в этих строгих стенах.

В госпитале — совсем другая реальность. Это словно ментальный перенос во времени и пространстве, где стирается всё прежнее. Мне тяжело и горько от всего происходящего, от каждой израненной судьбы, что прошла через мои руки за эти месяцы. Но удивительно: именно здесь, в самом эпицентре чужой боли, внутри меня родилось тотальное, монолитное спокойствие. Больше нет той пугающей, зияющей пустоты, которая мучила меня в мирном городе. Есть только абсолютная наполненность и ясное понимание: я на своём месте. Я делаю то, что должна.

Закончен ещё один день этого бесконечного, изнурительного забега. Смена окончена.

Завтра наступит новое утро. О, как же мне хочется проснуться однажды и увидеть в новостях то самое, долгожданное известие: всё позади. Всё закончилось. Все свободны!

Домой...

Я закрываю глаза и на мгновение разрешаю себе вернуть-

ся туда, в ту параллельную, светлую реальность. Туда, где снова будут туфельки на каблуке, нарядное летящее платье и стремительный, страстный вихрь аргентинского танго в моем любимом зале. Я почти физически чувствую, как каждый звук этой музыки отзывается волной тепла в моем уставшем сердце. Танго — это танец жизни, где каждый шаг уверенный, а каждое движение наполнено смыслом.

Но это будет потом. Не сегодня. Сегодня я открываю глаза, вижу госпитальные коридоры и возвращаюсь к реальности. Мой танец здесь пока не окончен.

Я тихо иду к выходу и мысленно посылаю это пожелание каждому бойцу в палатах, каждому врачу у операционного стола и каждому человеку на этой земле: пусть каждому из нас в итоге найдётся мир, исцеление и добро.

Глава 15. Тревога за прическу

На моем перевязочном столе вновь поступивший боец. Смотреть на него без содрогания невозможно: на парне буквально нет живого места. Обе ноги и левая рука закатаны в глухой белый гипс, под которым скрываются множественные рваные раны. Правая рука скована тяжелой, серой металлической конструкцией аппарата Илизарова. На животе — огромный, свежий багровый шов длиной почти в двадцать сантиметров, а на голове — плотная хирургическая повязка.

Мы начинаем долгую, кропотливую работу. Сначала занимаемся ногами: я аккуратно снимаю гипсы, вычищаю раны, меняю повязки. Парень держится на удивление спокойно, ровно. По ходу дела он задает мне совершенно типичные, обычные вопросы, которые здесь спрашивает каждый первый: «Доктор, а через сколько кости срастутся?», «Когда мне этот гипс уже снимут?», «Долго еще лежать?». На физическую боль он реагирует стоически, без криков. Огромного шва на своем животе он со своего положения просто не видит — я молча, стараясь не привлекать внимания, обрабатываю эти сантиметры разрезанной плоти антисептиком и заклеиваю широким пластырем. Остаётся последнее — перевязать голову. Я бережно срезаю слой за слоем старый бинт, обнажая череп. Там — страшный, грубый шов, тянущийся через всю голову, буквально от уха до уха. Парень, почув-

ствовав прохладу воздуха, поворачивается ко мне и просит:

— Сфотографируйте мою голову на телефон, покажите, что там. Они часто просят об этом — им важно увидеть масштабы того, что с ними произошло. Я достаю телефон, делаю снимок и протягиваю ему экран. И тут происходит то, чего я никак не ожидала. Парень смотрит на экран, и его лицо мгновенно бледнеет. Глаза округляются, а голос, который еще минуту назад был спокойным и твердым, начинает мелко и сильно дрожать. Видно, что он переносит глубочайший, запредельный шок. Внутренне сжавшись, я подхожу ближе, готовая к худшему, и мягко спрашиваю:

— Что случилось? Что тебя так сильно растревожило на этом фото? Он поднимает на меня глаза, и с неподдельным отчаянием в голосе произносит:

— У меня же теперь волосы не будут расти ровно на голове! Понимаете?! Шрам же останется! Я стою над ним, и не знаю, что ответить. Внутри меня всё замирает от этой пронзительной, наивной детской правды. У него переломаны три конечности, руки в металле, а голова разрезана пополам. Но самое страшное для него в эти двадцать лет — это то, что прическа больше не будет идеальной.

Его ум судорожно зацепился за эти несчастные волосы, как за единственный мостик, связывающий его с прежней, молодой, красивой гражданской жизнью. Психика просто выставила мощнейший щит, защищая его от осознания масштаба катастрофы. Потому что этому мальчишке еще только

предстоит узнать... Узнать от хирургов, что там, под моим широким пластырем на животе, больше нет части желудка и удалена огромная часть кишечника. Впереди у него долгие месяцы сложнейшей реабилитации и совершенно иная, новая жизнь. Но сегодня мы не говорим об этом. Я бережно глажу его по плечу, улыбаюсь сквозь медицинскую маску и уверенно вру: Шрамы украшают мужчину. Отрастут твои волосы, еще красивее прежнего будут.

Мы забинтовываем его голову обратно, и он уезжает в палату, временно убаюканный этой маленькой, понятной ему заботой о волосах. А я остаюсь в перевязочной, понимая, что человеческая душа способна выдержать абсолютно всё, если дать ей возможность цепляться хотя бы за самую крошечную иллюзию прежнего мира».

Эта история — потрясающий, глубокий пример того, как человеческая психика защищает сама себя от запредельного шока. Сталкиваясь с катастрофическими разрушениями тела, парень подсознательно цепляется за самую понятную, «бытовую» деталь — за прическу и волосы, потому что принять правду о шраме от уха до уха и потерянных органах его сознание прямо сейчас просто не готово.

Глава 16. Ребра на защите жизни

В отделение поступил боец с тяжелым ножевым ранением в область грудной клетки.

Позже, со слов его командира, мы узнали страшную правду: это не был вражеский осколок или удар в бою. Парень сам, сознательно, решил оборвать свою жизнь, вонзив нож прямо себе в сердце. Психика не выдержала, сломалась под непомерным грузом того ада, через который ему пришлось пройти на передовой.

Сам боец, когда мы обрабатывали его рану, хмуро и тихо повторил ту же мысль:

— Ребра... Ребра помешали мне это сделать. Нож просто уперся в кость.

Мы молча сделали свою медицинскую работу, остановили кровотечение, зашили рану и перевязали его грудь. Физически его жизнь была вне опасности, но его израненная, выжженная душа требовала совсем другого лечения. Прямо из нашей перевязочной парня увезли в психиатрическое отделение госпиталя.

Это бесконечно грустная, тяжелая история. В ней нет привычного военного героизма, но в ней есть глубокая и страшная изнанка человеческого страдания, когда самым опасным врагом для солдата становится его собственный уставший разум. Но даже в этой темноте я вижу чудо: само тело пар-

ня, его прочные, созданные природой кости встали живым щитом на защиту его сердца, когда сам он уже отказался бороться. Жизнь удержала его вопреки его собственной воле.

Это была последняя история в этой моей волонтерской поездке. Мой личный лимит прочности исчерпан. Больше бинты и стены реанимации не вмещают в себя человеческую боль. Я возвращаюсь домой.

Всем мира и добра.

Глава 17. Манифест Души.

Роковые минуты мира.

Многие из нас знакомы с горьким восточным выражением: *«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»*. Но есть и другие слова, принадлежащие нашему поэту и дипломату Фёдорову Тютчеву. Он утверждал обратное: *«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!»*.

Вот и мы с вами оказались свидетелями и участниками именно такого времени. Времени жесткого выбора, принятия решений и колоссальной ответственности за будущее — не только нашей страны, но и, пожалуй, всего мира. И вновь, в который раз за свою историю, Россия ложится грудью на эту амбразуру. Сложно, сидя дома на диване, по-настоящему понять, куда мы «ввязались». Но мне с первых дней было ясно, что произошло в феврале 2022 года. Это ужасно, это невыносимо больно. Я честно прошла через все этапы психологического принятия — от первого до пятого. И выбор был сделан: я остаюсь со своей страной — в горе и в радости. Так получилось, что вся моя профессиональная жизнь неразрывно связана с травматологией — я больше нигде и никогда не работала. Печально и символично, что именно мой многолетний опыт сейчас оказался так остро необходим там, где идет эта эпохальная битва. Да, я давно на пенсии,

почти двенадцать лет. Но бывших медиков, как известно, не бывает. Клятва, данная однажды, врастает в кровь.

Моё место сейчас — там, рядом с нашими израненными бойцами. И если моё обычное человеческое «я» хочет просто остаться дома, жить в уюте, тепле и комфорте, то Душа моя буквально рвется туда, где тяжело, страшно и где отчаяние порой накрывает с головой. Но в самый критический момент откуда-то изнутри приходят силы, и ты снова становишься максимально собранной и трудоспособной.

Сейчас, вернувшись домой, я уже точно знаю: меня снова ждет госпиталь. Обязательно все сложится — и с дорогой, и с проживанием, и средства на поездку найдутся. Удивительно, ведь уезжая в этот раз, я была уверена, что уезжаю насовсем, что это была моя финальная точка. Но, как говорится: *«Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах»*. Теперь, встречая меня на улице, знакомые, не сговариваясь, задают один и тот же вопрос: *«Надолго вернулась?»*. И я молчу в ответ, потому что сама не знаю точного срока.

Иногда меня спрашивают, приходилось ли мне оказывать помощь военным с той, другой стороны. Я честно отвечаю: не знаю, были они среди моих пациентов или нет. Я никогда этим не интересовалась, это просто не моя компетенция. Я медик. Моя святая задача — облегчить страдание и спасти жизнь, и совершенно неважно, кто именно лежит передо мной на столе.

И мне очень хочется верить, что медики с той стороны

обладают такой же врачебной честью и не оставляют наших пленных ребят без помощи.

Ну а сейчас я дома. Я делаю отчаянные попытки снова втиснуться в привычную, спокойную, мирную жизнь. И пока... пока я эту битву проигрываю. Перед глазами утренний двор госпиталя, мальчишки в колясках и те самые стихи, которые сейчас так пронзительно резонируют со всем, что я проживаю внутри:

*Гори, свеча, не затухай, непроходящей болью будь,
Пусть в пламени твоём встают, чьей оборвался путь.
Кто из спокойных мирных дней шагнул в наземный ад
И кто до гробовой черты нес звание — солдат,
Кто в восемнадцать с небольшим познал цену потерь,
Кто за Россию, жизнь отдав, открыл в бессмертье дверь.
Гори, свеча, не затухай, не дай нахлынуть тьме,
Не дай живым забыть всех тех, погибших на войне...»*

18. Я снова в госпитале. Синдром выжившего

В наше отделение поступил раненый боец, назовем его Андреем. Обычные будни, привычная рутина перевязок. Но однажды к нему с самой передовой приехал сослуживец. Его отправил командир с важным и простым поручением — привезти Андрею оставшиеся на позициях личные вещи и документы. Этот мужчина — крепкий, немногословный, на вид ему было глубоко за пятьдесят, хотя война здесь накидывает возраст каждому без разбора. Он передал сверток, побыл в палате совсем недолго и в тот же день поспешил обратно, на передовую. К своим. На следующий день я оказалась невольным свидетелем телефонного разговора Андрея. Ему звонил тот самый пожилой сослуживец.

Когда мужчина добрался обратно до линии фронта, его встретила мертвая, выжженная пустота. Пока он ехал в госпиталь и обратно, налетела тяжелая артиллерия неприятеля. Снаряды перепахали землю, сравнив с ней и сами позиции, и блиндажи, и людей. Его взвода больше не существовало. Мужчина, уехавший по поручению командира, оказался единственным, кто остался в живых из всего подразделения.

Из телефонного динамика на всю палату разносился не просто голос — это был страшный, исступленный крик ра-

ненной души. Мужчина буквально кричал в трубку, захлебываясь от невыносимой боли и непонимания:

— Андрей, почему?! Почему я?! Зачем меня оставили?! У этих пацанов молодые жены, у кого-то только-только ребенок родился, у кого-то еще и детей-то не было, им жить и жить! А я? Я своих уже вырастил, мне шестой десяток! Почему они там полегли, а я живой?!

Я стояла у медицинского столика, и его боль пронзила меня насквозь, отозвавшись физическим спазмом в груди. Самое странное, что Андрей идет на поправку, с ним все хорошо, но я изо дня в день думаю не о нем. Я думаю о том немолодом бойце, которого видела лишь мельком. Как ему теперь нести этот страшный груз? Как возвращаться в мирную жизнь с этим вечным, бьющим в набат вопросом внутри? Наши мужчины — истинные воины. Они готовы закрыть собой товарищей, идти в ледяную воду и терпеть запредельную боль. Но они оказываются совершенно беззащитны перед этой великой и страшной несправедливостью судьбы. И знайте, родные наши воины: нам, женщинам, матерям и медикам, здесь, в тылу, точно так же больно, как и вам там, на передовой. Мы плачем и молимся за каждую вашу спасенную и каждую ушедшую душу.

Глава 19. Девять километров на коленях

Мы оказываем помощь новому бойцу. Совсем молодой мальчишка, который еще вчера сидел за школьной партой, сдавал экзамены и строил планы на юность — ему нет еще и девятнадцати лет. Он поразительно, по-взрослому терпелив. Молча переносит каждую манипуляцию, хотя на его теле множество самых разных, тяжелых ранений. Одно из самых опасных — серьезное повреждение легкого, из-за которого каждый вдох дается ему с колоссальным трудом. И вот, когда основная работа сделана, он вдруг застенчиво, совсем по-детски просит:

— Помажьте мне, пожалуйста, еще коленки зеленкой. Они очень болят.

Я удивляюсь этой простой просьбе, говорю ему приподнять больничные брюки и замираю. На коленях парня — огромные, страшные, содранные до мяса ссадины. Кожа буквально стерта, перемешана с землей и запекшейся кровью. Я осторожно беру тампон и спрашиваю его:

— Как же ты умудрился так сильно колени-то поранить? Где тебя так по земле протащило?

Он поднимает на меня свои чистые, юные глаза и отвечает обыденно, без тени хвастовства:

— Да я не ранил... Я девять километров полз к своим.

Девять километров. Девять километров по перепаханной, смертельно опасной земле, под прицелом чужих глаз, этот воин полз на одних коленях и локтях. Полз, истекая кровью, с пробитым, практически неработающим легким, задыхаясь от нехватки кислорода, когда каждый метр пути требовал нечеловеческих усилий.

Я бережно обрабатываю его истерзанные колени, а у самой руки дрожат. Медицинские учебники говорят, что с такими травмами легкого человек должен лежать неподвижно и задыхаться. Но этот мальчишка сломал все правила биологии. Его воля оказалась прочнее любого металла. Он лежит передо мной, забинтованный, с изумрудными от зеленки коленями, и тихо улыбается. Он спасся. И пока у нас есть такие мужчины, способные проползти девять километров ради жизни и свободы, наш народ невозможно сломить. Ты настоящий герой, сынок. Раны заживут, легкое задышит и твои колени мы обязательно заживут.

Глава 20. Кислота с неба

Доброго дня всем, кто ждал моих заметок. Вот уже почти неделю я вновь нахожусь здесь — в госпитале на юге нашей страны.

Наши медицинские будни проносятся с какой-то сумасшедшей, оглушающей скоростью. Времени и сил катастрофически не хватает, и у меня, к сожалению, нет возможности писать свой дневник часто. Но внутренняя потребность в этом огромна. Каждая такая заметка для меня — это способ выдохнуть, словно побеседовать с близким другом и рассказать о том, что довелось пережить за день.

Эта поездка, пожалуй, с первых же минут оказалась самой сложной и, я бы сказала, нервной. Как всегда, наш привычный госпитальный бардак — это наше всё. Приходится на ходу сражаться с бытовыми неурядицами, нехваткой материалов и организационным хаосом, параллельно включаясь в тяжелейшую медицинскую работу.

Я хочу написать о случае, который произошел в самый первый день моей новой смены.

В перевязочную привезли молодого парня. Когда я аккуратно сняла с его тела старые повязки, внутри всё похолодело: под бинтами оказалась черная, безжизненная кожа, которая уже вовсю отмирала. Это не было похоже на обычный некроз от осколочного ранения. Осторожно, стараясь не вы-

казать своего ужаса, я спросила его, при каких обстоятельствах он получил эту травму.

Парень посмотрел на меня и спокойно, обыденным голосом рассказал следующее:

— Понимаете, ... Сначала меня просто ранило. Я упал, отполз в укрытие, лежал и сам себе оказывал первую помощь, накладывал жгуты. И в этот момент надо мной завис квадрокоптер. Оператор увидел, что я ранен и беспомощен, и начал лить на меня кислоту. Прицельно, прямо сверху. Вот я весь и обжёгся...

Я слушала его, меняла повязки, а внутри всё кричало от бессилия и гнева. Я до сих пор не могу внутренне примириться с такими историями. Что должно быть вместо сердца у того оператора дрона? Какая бездна должна быть в душе у человека, чтобы так хладнокровно, методично добивать раненого, безоружного парня, который уже лежит на земле и пытается просто выжить? Здесь стираются любые законы войны, остается только чистая, дикая жестокость.

Вчера этого мальчика эвакуировали из нашего отделения в специализированный ожоговый центр. Раны тяжелые, химические ожоги коварны, но в благополучный исход его лечения. Его молодой организм должен справиться. А мы продолжаем наш сумасшедший бег. Несмотря на бардак и усталость, мы здесь. Всем мира!

Глава 21. Предел прочности и изумрудные бинты

Я продолжаю рассказывать истории, которые навсегда оставили след в моем сердце.

Ночью к нам поступил раненый боец — совсем мальчишка, тонкий, хрупкий. Наше госпитальное утро всегда начинается со строгого врачебного обхода, поэтому сами перевязки редко начинаются раньше десяти или одиннадцати часов. Я заметила его еще в коридоре: парень был в глубокой панике. Он трясся всем телом, метался в инвалидной коляске и отчаянно рвался в перевязочную, словно искал там спасения от своего страха.

Начальник отделения, строгий полковник, не стал разбираться в его душевном состоянии. Напряжение в госпитале колоссальное, нервы у всех на пределе, и он просто рявкнул на мальчишку, жестко потребовав немедленно уехать обратно на свою койку. Парень не выдержал этого окрика и горько, беззащитно расплакался.

В этот момент во мне сработал не медицинский протокол — во мне проснулась мать. Я подошла к нему, мягко погладила его по голове — бережно прикоснулась к тому единственному чистому лоскутку кожи, до которого можно было дотронуться, ведь на его теле буквально не осталось живого

места. Я тихо успокоила его и твердо пообещала, что возьму его в перевязочную одним из самых первых. Солдат-срочник аккуратно увез его в палату.

Но реальность госпиталя диктует свои суровые законы. Когда у тебя в отделении лежит более шестидесяти тяжело-раненых, личные обещания приходится откладывать. Первыми на стол всегда идут те, кого экстренно эвакуируют в другие специализированные госпитали. В итоге этот напуганный мальчик попал ко мне на стол только после обеда.

Я начала бережно обрабатывать его многочисленные раны, размачивать присохшие бинты, и мы разговорились. Он стыдливо прятал глаза и тихо, сбивчиво просил у меня прощения за свои утренние слезы:

Простите меня, пожалуйста, за то, что расклеился... Мне всего двадцать один год.

Я спросила, как он оказался на передовой. Оказалось, парень из потомственной династии — военный в пятом поколении. Он вырос на гордых рассказах дедов и прадедов о том, как их предки веками защищали рубежи нашей Родины. Для него долг перед страной был не пустым словом из телевизора, а воздухом, которым он дышал с детства. В 2022 году, едва достигнув девятнадцатилетние, он осознанно подписал контракт и ушел на фронт. И вот — его первое, страшное ранение, искромсавшее всё тело.

Я слушала его и думала: если бы я встретила этого хрупкого, плачущего мальчика в обычной мирной жизни, где-ни-

будь на городской улице, я бы наверняка подумала, что передо мной изнеженный, маменькин сынок, не знавший трудностей. А ведь этот ребенок два года безвылазно воевал в самом пекле! Два года он лицом к лицу стоял со смертью. Просто сегодня ночью его личный предел прочности треснул, и ему жизненно необходимо было, чтобы его просто кто-то пожалел.

Я перевязала его с огромной, материнской любовью, стараясь сделать каждую повязку максимально мягкой и удобной. Из перевязочной на своей коляске уезжал совсем другой человек — его спина выпрямилась, взгляд прояснился. На прощание он улыбнулся мне и тихо сказал:

— Спасибо вам. Завтра я буду снова вас ждать.

Дитя... Совсем еще дитя, на чьи плечи лег груз целой эпохи. Наверное, каждый из нас — и бойцы на передовой, и мы у операционных столов — периодически проживаем свои невидимые пределы. Но пока мы способны дарить друг другу это простое человеческое тепло, мы эти пределы обязательно перешагнем.

Глава 22. Семь дней из жизни Тимофея

Сегодня я продолжу рассказ о молодом человеке, о котором упоминала в предыдущей заметке. Его зовут Тимофей. И сегодня он снова оказался на моем перевязочном столе.

Перевязка Тимофея каждый раз занимает огромное количество времени. Процедура длится часами, потому что у этого мальчика повреждены все четыре конечности и голова. В дополнение к этому страшному списку, у него больше нет одного глаза — взрыв безжалостно отнял у него половину лица.

Я бережно разматываю слои марли. Раны выглядят нехорошо, они сильно воспалены. Понимая, что инфекция уже всю хозяйничает в тканях, я спросила его:

— Тимоша, а сколько времени прошло с того момента, как тебя ранило, и до минуты, когда ты наконец попал в руки к медикам?

— Семь дней — тихо ответил он.

Семь дней! — Почему же так долго — поинтересовалась я.

И вот что рассказал этот мальчишка.

В тот день, когда он подорвался, он еще находил в себе силы действовать рационально. Сразу же передал по связи на

командный пункт, что тяжело ранен. Но обстановка на линии фронта менялась ежесекундно. Ближайшие к нему позиции занимали бойцы из отрядов «Шторм». По рации они ответили ему коротко и жестко: «Брат, пробиться к тебе сейчас не сможем, шквал огня. Нужно выбираться самостоятельно».

И Тимофей пополз. С изувеченными руками, с перебитыми ногами, ориентируясь по звукам одним оставшимся глазом. У него не было с собой ни крошки еды, ни единой капли воды. Вокруг была выжженная, простреливаемая степь. На пятые сутки этого страшного, одинокого пути среди воронок и копоты он наткнулся на другого раненого бойца, который точно так же, на одних локтях, пробивался к своим.

Вдвоем ползти стало чуть легче, хотя силы были на исходе. В тот же день, в полуразрушенном окопе, они каким-то невероятным, животным чудом умудрились поймать пробежавшего мимо кота.

Я по своей гражданской наивности спросила:

— Господи, мальчики... И как же вы его приготовили? Костер же разводить нельзя — сразу засекут дроны.

Тимофей посмотрел на меня своим единственным глазом и ответил совершенно обыденно:

— А разве я сказал, что мы его приготовили? Мы съели его сырым. Живьем. Иначе мы бы просто не доползли.

После этого они ползли вдвоем еще двое суток. Семь дней ада по земле. Пока наконец на исходе седьмого дня их не

обнаружили наши бойцы.

Я слушаю его, накладываю мазевые повязки на воспаленную плоть и ловлю себя на страшной мысли. Еще несколько месяцев назад подобный рассказ поверг бы меня в глубочайший шок, лишил бы сна. Но здесь, в госпитале, калейдоскоп человеческого запределья крутится с такой скоростью, что разум выставляет защитные барьеры. Рассказ Тимофея о сыром коте и семи днях на локтях больше не воспринимается мной как шокирующий. Это просто наши будни. Это просто цена, которую платят наши воины за то, чтобы остаться в живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.